18+

"Однажды...

ОЛЬГА КВИРКВЕЛИЯ

Журналюга в эпоху перемен

Ольга Квирквелия

Журналюга в эпоху перемен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72664075
ISBN 9785006829923

Аннотация

Очередная автобиографическая книга о периоде 1980–90 гг., когда автор работал журналисткой, встречая самых разных людей и попадая в разные ситуации, в том числе сложные.

Содержание

ЖУРНАЛЮГА В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН 5
Начало 5
Семья. Москва 8
Семья. Тбилиси 21
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Журналюга в эпоху перемен

Ольга Квирквелия

© Ольга Квирквелия, 2025

ISBN 978-5-0068-2992-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЖУРНАЛЮГА В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Начало

Писать я начала очень рано. Первый свой опыт помню прекрасно: в пятом классе, в сентябре, нам задали написать сочинение «Как я провела лето». Я написала о поездке на море. Получилось, как мне казалось, неплохо, но почему-то в школу вызвали бабушку. О чем с ней говорил завуч, я не слышала, но вышла она из кабинета в каком-то странном настроении: огорченная и в то же время непривычно ласковая (бабушка была очень скупа на нежности, хотя любила меня безмерно). Было что-то еще в ее внимательном взгляде… Оказывается, моих учителей взволновала фраза в моем сочинении про то, что запах моря волновал меня как запах волос любимого… Педагоги взволновались: откуда я в 12 лет знаю запах волос любимого?! Или я просто списала этот текст из какой-то книги? Бабушка не стала меня расспрашивать и никаких бесед со мной проводить не стала, а очень много десятилетий спустя из ее мемуаров я узнала, что точно такая же история произошла с ней – в таком же возрасте и тоже с сочинением о каникулах на море…

Чуть позже наш класс стал «выпускать» ежемесячный поэтический сборник – тетрадка, в которой все желающие писали свои стихи. Я была в нем постоянным автором. Что именно я там писала, естественно, не помню, только отдельные фразы типа: «В нашем классе шел урок истории. Спать хотелось и писать стихи…». В старших классах мои стихи начали публиковать в местной газете. Мама начала мечтать о том, что я стану великим поэтом, и требовать, чтобы я поступила в Литературный институт. Эта идея мне совершенно не нравилась: я не представляла, как можно зарабатывать поэзией – когда кончились деньги, срочно выдавливать из своей души какие-то рифмы?.. Но для маминого успокоения и подала документы, прошла творческий конкурс, но экзамены сдала в МГУ – на факультеты исторический и вычислительной техники и математики. Мама, конечно, очень огорчилась, но потом решила, что МГУ – это тоже хорошо звучит…

Я продолжала изредка писать – теперь уже небольшие рассказы – и публиковаться в журналах типа «Знание – сила», «Юность», «Уральский следопыт» и прочие.

Но журналистика – это совсем другое.

Во-первых, журналист пишет о реальных событиях и людях, поэтому должен быть максимально точен.

Во-вторых, он часто – особенно в начале своей карьеры – пишет «по заказу», на тему, интересующую редакцию. Поэтому должен уметь увидеть интересное в скучном, необыч-

ное в повседневном.

В-третьих, пресса – мощное идеологическое оружие, журналист всегда должен помнить об этом и считаться с этим.

В-четвертых, он должен уметь общаться с самыми разными людьми – нравящимися и не очень, знаменитыми и обывателями, умными и примитивно мыслящими.

А я, выросшая до 12 лет вообще вне контактов с кем-либо, кроме родни и врачей, общаться не слишком любила. Но умела: благодаря своей семье.

Семья. Москва

Я уже писала в книге о моей бабушке по материнской линии – балерине, балетмейстере («Пируэты судьбы»), что детство и юность я провела между Москвой, где жили мои родители и семья отца, и Тбилиси, где жила мои бабушка и тетя, а потом и мой муж и его семья. И это были совершенно разные миры, полные известных людей – в совершенно разных сферах: в Тбилиси – театр, музыка, балет, архитектура. В Москве – дипломатия, медицина, история.

Моя Москва сильно отличалась от нынешней: она была дружелюбной, какой-то патриархальной, уютной. И она была относительно маленькой, с любой окраины можно было добраться до центра за полчаса, встретиться с друзьями после работы или учебы, погулять или посидеть в кафе и спокойно вернуться домой не слишком уставшей. Сегодня мне потребовалось бы для встречи с друзьями полтора часа дороги в одну сторону… Это была другая Москва. Конечно, во многом хуже современной, но намного менее разобщенной.

Брат моей бабушки по отцу, Меньшиков Михаил Алексеевич (https://ru.wikipedia.org/wiki/) – дядя Миша, был министром внешней торговли СССР в 1949—51 гг. С 1953 г. – Чрезвычайный и Полномочный посол в Индии, потоом в Непале, с 1958 г. – в США. С 1962 г. – Министр иностранных дел РСФСР. С 1968 г. в отставке. Я его запомнила как

человека очень замкнутого, отстраненного. Мы иногда отдыхали на его даче в Архангельском (кажется) – это был лес с домом, – но дядя Миша никогда не выходил к нам, даже обедал в своей комнате. Еще более странными мне казались его отношения с сестрой – моей бабушкой, Раисой Алексеевной Хохловой. Дедушка погиб во время войны, оставив ее с тремя детьми в одной комнате в коммунальной квартире. Мы жили там вшестером – бабушка, ее дочь Татьяна, сын Леонид, мои родители и я. Михаил Алесеевич приезжал иногда, но никогда не поднимался в квартиру – бабушка спускалась к его машине. Думаю, он помогал ей материально, но неужели не мог помочь решить «квартирный вопрос»?.. Впрочем, не мне судить. Важно то, что у меня выработалось восприятие министра как дяди Миши…

Сама бабушка работала в министерстве внешней торговли, а потом – торговым атташе в Непале, так что «Березка» не казалась мне запретным раем… Мои родители развелись вскоре после моего рождения, но бабушка всегда оставалась в моей жизни. Она правила семьей железной рукой: все ее дети, все их супруги (так сложилось, что оба сына дважды были в браке, и в каждом браке имели детей) и дети должны были собираться у нее на все праздники и дни рожденья. Споры и ссоры не допускались. Она чем-то напоминала мне тигрицу: сама она могла съездить по физиономии любому из своих детей, но кому-то другому не прощала даже неуважительного слова. С ее смертью эта большая семья распа-

лась…

Ее младшего сына, Леонида, я практически не помню, он рано умер. Ее дочь, Татьяна Петровна Свирская, врач «Скорой помощи», вышла замуж тоже за врача и они оба поехали как врачи посольства в Бейруте. Дальше расскажу с помощью статьи Н. Долгополова :

> «30 сентября 1985 года в Бейруте произошло небывалое по тем временам событие. Террористы захватили четырех советских заложников. Все четверо – работники нашего посольства.
>
> Обстановка в этой части Ближневосточного региона сложилась сложнейшая. Гражданская война в Ливане продолжалась уже десятый год. В сентябре 1985-го на севере страны велись ожесточенные бои между мусульманскими группировками Ливана и сирийскими подразделениями.
>
> СССР всегда оказывал помощь арабским странам, отношения были исключительно хорошими. Вот почему захват заложников оказался громом средь ясного неба… похитили секретаря консульского отдела Аркадия Каткова, работника торгпредства Валерия Мырикова, атташе посольства Олега Спирина и врача Николая Свирского. Бандиты блокировали две машины, взяли на мушку автомата, а когда Катков крикнул доктору «Бежим, Коля!», то сразу получил автоматную очередь в ногу.
>
> Позже у Каткова началась гангрена. Лечить его похитители не думали. Всадили в пленника множество

пуль и выбросили труп около разрушенного стадиона в Бейруте.

В Москве похищение восприняли как событие чрезвычайное. Во-первых, надо освобождать своих. Во-вторых, если оставить без ответа, это откроет дорогу для новых терактов. Заработали все ветви советской власти. Центральный Комитет использовал свои возможности, МИД – свои. Работали военные, разведрезидентуры ряда других стран. Пошли обращения к лидерам разных государств… В ответ смутные обещания.

А непосредственные действия по освобождению вела наша резидентура в Бейруте… Привлекли местную полицию. Помог Валид Джумблат. Его люди вывели на след похитителей. Удалось выяснить: группа «Силы Халида ибн Аль Валида», взявшая ответственность за захват, вряд ли существует. Может, она вымышленная? Заказчик и вдохновитель похищения «Хезболла» (здесь и далее – организация, запрещенная в России. – Ред.). Как стало известно, у экстремистов возникла идея – взять в заложники советских граждан и потребовать от СССР нажать на Сирию, чтобы та выпустила палестинцев и тех, кто в тот момент был с ними, из котла. Ради спасения жизней трех россиян наши попросили сирийцев пока не наступать, те просьбу выполнили. Но люди Джумблата сообщили: в похищении участвовали и палестинцы, которые и теперь отпускать советских не собирались.

Октябрь 1985-го летел стремительно. С помощью сирийских друзей удалось установить: сначала русских держали в пригороде Бейрута. Потом экстремисты из «Хезболлы» вывезли похищенных в другой район. Замотали, как мумии, и, приспособив пространство под днищем грузовика, бросили туда. Ни крикнуть, ни шевельнуться. Спрятали в квартире, которую превратили в мини-тюрьму. Там, кстати, содержались не только они: наши узники потом рассказывали, что слышали и английскую речь. Мы все эти 30 дней вели в Ливане работу по их освобождению с использованием наших специфических методов, – рассказывал мне полковник Перфильев. – Так друзья вывели на шейха Мухаммада Фадлаллу – лидера ливанской части «Хезболлы», заказчика похищения. Поехали к нему в южный пригород Бейрута с оружием. Затем сдали его, и бородатые охранники угрожающе ухмылялись. Шейх, разумеется, сделал вид, что ничего не знает… и обещал упомянуть их в своих молитвах. Еще до первой встречи с шейхом мы были готовы штурмовать здание, где содержались ребята. Отказались от операции только потому, что не сумели бы пробиться к своим через несколько колец вооруженной охраны – экстремисты успели бы их уничтожить. И во время второй моей встречи с шейхом я применил недозволенный прием… я заявил моему бородатому собеседнику: великая держава проявила максимум терпения, но всему может прийти конец. А что если при каких-то учебных стрельбах ракета одной из прекрасно вооруженных

стран вдруг отклонится от заданной траектории и упадет в непредвиденное место? Например, на город Кум, считающийся даже в Иране центром поклонения. Именно оттуда руководил Ираном духовный лидер аятолла Хомейни. Напоминание о возможном, пусть и непреднамеренном и чисто случайном попадании ракеты в его резиденцию произвело впечатление. Я сказал: чтобы не случилось ничего непредсказуемого, будем вместе надеяться, что к нашему празднику 7 ноября заложники окажутся на свободе. Больше ждать мы не намерены. Тот напрягся, а затем ответил, что тоже надеется на помощь Аллаха в наших трудах. Когда мы вышли, помощник моего собеседника шепнул: «С шейхом так никто и никогда не разговаривал…» Значит, пришел черед поговорить именно так. Через два дня заложники были освобождены. Их привезли из долины Бекаа. В Бейруте выбросили из машины, развязали глаза и уехали. Наши сориентировались, побрели по направлению к посольству. Туда и пришли в своих разодранных рубахах. Обращались похитители с ними скверно. Были истощены. Пограничники, охранявшие здание, ребят не узнали, не хотели пускать.

– У каждого из похищенной четверки своя судьба. Катков погиб, остальные трое были отправлены в Москву. Доктор Свирский и Мыриков после этого вновь выезжали в загранкомандировки.

Брак тети Тани (она тоже работала врачом в посольстве) с Николаем Свирским не выдержал это испытание.

А еще у бабы Раи был близкий и старый друг – Иван Владимирович Шереметьевский, домашнее прозвище – Графин (от «граф»). Он был очень похож на царского офицера – в военной форме, бородка клинышком, очки в тонкой оправе, высокий, подтянутый. С великолепным чувством юмора. Он работал где-то недалеко от бабушкиного дома и почти каждый день приходил в обеденный перерыв. По рассказам бабушки, он был внебрачным сыном Владимира Алексеевича Шереметьева (1847 – 1893 гг.), генерал-майора Свиты его Императорского Величества, командир Собственного Его Императорского Величества конвоя из нетитулованной линии рода Шереметьевых. Шереметев сопровождал императорскую семью в поездке в октябре 1888 г. В этой поездке произошло крушение императорского поезда. Перед глазами уцелевших от крушения предстала ужасная картина разрушения. Вагон с императорской столовой, в которой находились Александр III и его жена с детьми и свитой, был полностью разрушен: без колёс, со сплюснутыми и разрушенными стенами, он полулежал на левой стороне насыпи; крыша его лежала частью на нижней раме. Первым толчком повалило всех на пол, а когда после разрушения пол провалился и осталась одна рама, то все оказались на насыпи под прикрытием крыши. Утверждают, что Александр III, обладавший недюжинной силой, держал на плечах крышу вагона, пока семья и другие пострадавшие выбирались из-под обломков. Во всём поезде, состоявшем из 15 вагонов, уцелело

только пять. Вагон, в котором находились придворно-служащие и буфетная прислуга, был полностью уничтожен, все находившиеся в нём погибли. В вагоне царских детей в момент крушения находилась лишь Ольга, великая княжна, выброшенная вместе со своей няней на насыпь, и Михаил, малолетний великий князь, вынутый из обломков солдатом при помощи самого государя. Императрица Мария Фёдоровна писала о крушении поезда: «… но самое ужасное произошло с Шереметевым, который был наполовину придавлен. Бедняга получил повреждение груди, и ещё до сих пор окончательно не поправился; один палец у него был сломан, так что болтался, и он сильно поранил нос».

Благодаря своим родственным связям и браку с внучкой императора Николая I, Владимир Шереметев оказался в ближайшем окружении царя и его семьи.

В 1879 г. Шереметев приобрёл особняк и начал строительство в семейном имении Покровское на берегу реки «целой огромной деревянной усадьбы, от которой потом не осталось и следа». Супруги жили широко, проводя много времени заграницей, и вскоре их материальное положение ухудшилось.

В. В. Мусин-Пушкин, племянник Шереметева, отзывался о родственнике, как о добром человеке: «… резко отличительной чертой всей семьи была выдающаяся, активная, вечно ищущая применения доброта, главными выразителями которой были старший брат моей матери Василий и млад-

ший Владимир Алексеевичи, достигшие в этом отношении уже степеней праведности».

30 августа 1891 г. Шереметев произведён в генерал-майоры с назначением в свиту Его Величества.

Владимир Алексеевич Шереметев скончался 17 февраля (2 марта) 1893 г.

Я сомневаюсь в достоверноости этой легенды, но сходство и манера поведения Графина и Владимира были потрясающими, чем он иногда в шутку пользовался. Так, однажды улетая из аэропорта Шереметьево, он шутливо объяснял на стойке регистрации, что он не должен покупать билет в собственной деревне. Но вот за ходом реставрации дворца в Останкино он пристально следил и дал много ценных советов, хорошо помня, как он выглядел в начале века.

Но самый широкий круг знакомств был у меня благодаря маме, Валентине Викторовне Хохловой. После развода она непрерывно или выходила замуж, или собиралась. Среди ее женихов были прокурор, военный атташе Болгарии в СССР, известный кинорежиссер, контрадмирал, актер театра Юного зрителя, писатель… Обаятельная и общительная, она очень легко заводила знакомства в самых разных кругах. Дом всегда был полон народа, иногда очень интересного.

Однажды мы с мамой гуляли по парку им. Горького и увидели группу очень изящных женщин и мужчин в национальных восточных костюмах. Мама тут же решила узнать, кто

они. Хорошо зная английский, она быстро нашла с ними общий язык: это оказался танцевальный ансамбль с Филиппин. Кто-то из танцоров изъявил желание посмотреть, как живут советские люди, – и мама тут же пригласила артистов к нам. А дома, прочитав в энциклопедии, что Филиппины – член НАТО, СЕНТО и СИАТО, перепугалась и решила пойти сдаваться в КГБ. Почему-то она решила потащить меня с собой (может, надеялась, что в присутствии ребенка ее не сразу начнут пытать).

В приемной КГБ (это не то знаменитое здание у Детского мира, а маленькая постройка за ним, на улице, ведущей к католическому храму Св. Людовика) сидел серьезный человек средних лет. Он внимательно выслушал маму, потом велел подождать и вышел из кабинета. Вернувшись (подозреваю, что он сверял мамин рассказ с имевшимися у него донесениями), он сказал, что все в порядке, мы можем идти домой и принимать гостей.

Так что жизнь в Москве у меня была нескучной. Даже чересчур.

Но хочу сказать еще пару слов о маме. Мне ее очень жалко. Она была яркой и талантливой личностью, играла на фортепиано, пела, танцевала, рисовала, играла в театре, писала стихи (мы с сыном сейчас готовим к изданию сборник ее стихов). Но раннее замужество, а в особенности моя болезнь, послужившая причиной (или поводом?) к тому, что отец нас бросил (не просто бросил – вывез из квартиры аб-

солютно все, кроме моей кроватки и наших с мамой вещичек. Устроился фиктивно на работу дворником, чтобы платить минимальные алименты) сломали всю ее дальнейшую жизнь. Мама осталась одна в пустой квартире с больным ребенком, без денег, с неоконченным высшим образованием… Она устроилась на работу рядом с домом, поначалу спала на полу на своей же одежде. Потом постепенно купила раскладушку, хоть какую-то утварь, а вот одевалась еще долго (это я уже помню не по рассказам), покупая все самое дешевое в комиссионке и зашивая дырки, переделывая под себя, украшая вышивкой. И надежды выбраться у нее не было никакой. Но у меня всегда все было, хоть и очень простое, но было все, во многом благодаря бабушкам – мамина мама часто забирала меня в Тбилиси, а папина – подкидывала продукты и вещи для меня. Единственным шансом для мамы было замужество… И было еще одно обстоятельство, которое я стала понимать уже совсем взрослой, когда тоже растила одна двух детей (к счастью, здоровых): мама выросла под возгласы восхищения ее талантами и красотой, ей смертельно не хватало этого, она просто не могла чувствовать себя серенькой мышкой… Нереализованность и неосуществимость вполне обоснованных надежд просто разрушали ее. А вот мужчины давали ей это восхищение… Наверное, поэтому она воспитывала меня очень жестко. Я с раннего возраста считала себя совершенно некрасивой и бесталанной… В этом были свои плюсы…

И раз уж речь зашла о грустных вещах, расскажу о втором мамином муже – единственном, которого я хорошо помню и которого любила: Николае Петровиче Котикове. У него была невероятная способность к иностранным языкам, которых он знал множество, в том числе все восточные – китайский, японский и прочие. Он поступил в МИМО, но потом его перевели в ИВЯ (Институт восточных языков) и это его подкосило. Дело в том, что он был не только из простой семьи – проще уже некуда, – он был из семьи страшных алкоголиков. И мать, и отец пили без просыху, жили в Подмосковье в какой-то развалюхе, практически в сарае. Но папа Коля все-таки выбрался в люди. Был он не только изумительно талантлив, но и очень добр. И безумно любил мою маму. Только вот лет в 30 начал проявляться наследственный алкоголизм… Ему даже пить особо не надо было – хватало полрюмочки, чтобы начался запой. Он лечился, чуть ли не каждые полгода лежал в клинике – ничего не помогало… И в конце концов понял, что разрушена не только его жизнь – он разрушает и нашу с мамой. Он покончил с собой. И этим чуть не убил меня: у меня отказало сердце, наступила клиническая смерть, из которой меня еле вытащили (кстати, рассказы про туннель со светом в конце и другие о клинической смерти – чистая правда: я поднялась над своим телом, видела врачей, суетившихся вокруг меня, потом понеслась по темному туннелю мимо каких-то разноцветных огоньков, которые приветствовали меня, к теплому свету в конце туннеля.

И от этого света исходила такая любовь ко мне, какой я больше никогда не встречала… Неземная любовь. Потом меня откачали. Открыв глаза и поняв, что я вернулась в этот мир, я единственный раз в жизни разразилась потоком брани… Когда позже я извинилась перед врачом, он покачал головой: «Я привык. Оттуда возвращаются либо целуя мне руки, либо матерясь… Видимо, там действительно два туннеля»..). Папа Колик был моим единственным и очень любимым отцом.

Семья. Тбилиси

Ну, а теперь к моей жизни в Тбилиси. Этот город тоже был совсем иным. Я родилась в Батуми, в квартире на ул. Шаумяна (в соседней квартире жил когда-то Сергей Есенин), где тогда жила мамина мама, но выросла я в Тбилиси, куда переехала бабушка, когда ее младшая дочь Нина поступила в консерваторию. О Батуми же я хорошо помню только могилу прадедушки и дедушки на местном кладбище. Она всегда меня изумляла: на памятнике прадедушке была надпись «Он пал в борьбе за дело рабочего класса». Я точно знала, что ни прадедушка, ни дедушка не были рабочими и семейные предания не упоминали о какой-либо их борьбе! По бабушкиной версии, в 1905 г. прадедушка с коллегами и приемным сыном шел по направлению к площади, на которой собирался митинг с участием Сталина. На последнего была организована засада. Русским полицейским все грузины были на одно лицо, и они застрелили прадедушку вместо Сталина. Последний после революции приказал установить памятник своему невольному «двойнику». (О его убийстве писали тогда газеты, но Сталин в них не упоминается).

Бабушка обменяла свою свою комнату в роскошной квартире (остальные комнаты отобрали после смерти дедушки; к счастью, в них поселили очень приятных людей) на огромную угловую комнату на втором этаже на пр. Плеханова.

В комнате – это когда-то была танцевальная зала, – было два балкона и 6 окон, потолки 4,5 м – и никаких удобств. Вернее, кухня и туалет были, но общие, на еще 9 семей, живущих на том же этаже – квартира занимала весь этаж. Первое, что сделала моя крайне брезгливая бабушка – отгородила фанерной перегородкой угол с двумя окнами и поставила там крохотный столик с керогазом и унитаз. Она перевезла из Батуми пианино и огромный раскладной стол, за котором могло сесть 20 человек: за этим столом собирались друзья-актеры ее мужа, под этим столом прятались во время бомбежек ее приемные дети, на этом столе шили костюмы для ее детского ансамбля.

Наши соседи представляли собой интереснейший срез тогдашнего общества: здесь жили и врач, и торговка с рынка с семьей, и бухгалтерша с сыном. У самого входа в квартиру жила женщина с низкой социальной ответственностью, а рядом с нашей комнатой в крохотной каморке – метров 7 максимум, вероятно, бывшая гардеробная, – практически нищая старуха-вдова Матильда Петровна, которую бабушка «поставила на довольствие», иначе бы она просто умерла с голода. Но пестрый коллектив квартиры ссорился крайне редко, хотя и особой дружбы не возникало.

Понятно, что квартира была в ужасном состоянии, как, собственно, и весь дом. Он находился в районе, построенном немцами – и так и назывался когда-то. Думаю, это сыграло свою роль в том, почему бабушка поселилась в нем. Она го-

ворила, что он похож на ее родной дом в Киеве. Теперь его отреставрировали:

«Вино из Люксембурга, орел на крыше и загадки Тифлисского особняка

К слову, реставрация той части проспекта, которая начинается от метро Марджанишвили и заканчивается площадью Саарбрюккена (в народе ее настойчиво продолжают называть Воронцовской) вызывает почти ребяческий восторг… Живописные улочки, уходящие от проспекта, маленькие магазинчики, кафешки – и во всем европейский лоск. Так ведь строили-то эту часть Тифлиса немцы!

А дома… Они, как люди, сменившие в одночасье свои старые лохмотья на новые, дорогие наряды. И ты вдруг обнаруживаешь под этим отрепьем особ благородных кровей. Самым же величественным и вальяжным из них можно считать дом с орлом. Тот самый, который построил купец первой гильдии Эраст Чавчанидзе.

Дом, построенный Эрастом Чавчанидзе в 1903 году, один из самых красивых в этой части проспекта.

Построенный в стиле модерн дом покрасили в бежево-кирпичный цвет, укрепили его, поскольку он долгое время уже находился в аварийном состоянии. Обновили подъездную роспись, сделанную, как говорят, флорентийским художником, и водрузили на верхотуру дома орла. Когда, в каком году покинул орел свое насиженное место, доподлинно неизвестно. Возможно, птичка вызвала у какого-нибудь

большевистского функционера едкие ассоциации с символикой империи, и ее заточили в чердак.

Невероятно, но факт! Птица прожила там энное количество лет, до тех самых пор, пока наши художники-реставраторы не обнаружили эту реликвию и не вернули вскормленного в неволе, уже немолодого орла на крышу.

То, что трехэтажный особняк использовался также в качестве доходного дома, специалисты-историки знали давно… на первом этаже дома располагалась торговая лавка «Люксембургский анфант».

В те времена в Тифлисе любое дочернее предприятие звалось анфантом, от французского слова «enfant» (ребенок). – В лавке продавали вино, производимое немецкими колонистами из Болниси. Учитывая тот факт, что Эраст Чавчанидзе имел тесные связи с немецкими производителями, мы выстроили предположение, что вино он получал оттуда. До советизации Грузии немецкая колония имела другое название – Катариненфельд. А вот после прихода к власти большевиков поменялись названия как улиц, так и городов. И Катариненфельд превратился в Люксембург, названный так в честь немецкой коммунистки. По всей видимости, надпись на вывеске был сделана после советизации.

Эраста Чавчанидзе родители привезли из региона Имерети в Тифлис совсем ребенком. Отец оставил его в одной из пекарен, чтобы парень научился ремеслу. На первых порах мальчик работал уборщиком. Ночевал там же, в сторож-

ке. Некоторое время спустя парень начал работать в галантерейном магазине у немецкого предпринимателя. Эраст бы настолько способным, что через шесть месяцев заговорил на немецком языке. Хозяин галантерейной лавки, принимавший самое искреннее участие в судьбе мальчика, решил послать его в Германию для получения образования.

Учеба в Лейпциге и Дрездене сказалась на Эрасте самым благотворным образом. Впитав европейскую культуру, он задумал организовать свой собственный бизнес и построить себе красивый дом. Мечтал, чтобы это был большой и построенный в европейском стиле дом.

По завершению обучения мануфактурному делу Эраст вернулся в Тифлис и открыл свой торговый дом.

Судьба успешного предпринимателя и мецената оказалась к нему жестока. Он потерял все: жену, бизнес, дом, построенный своими руками. Он строил его 20 лет. При этом строил на ссуду, взятую из банка. А конфисковали его через три дня после того, как он вернул банку ссуду. Усмешка судьбы. Так, в одной комнате некогда его собственного дома и жил с семьей Эраст. О том, что должен был испытывать человек после таких ударов судьбы, можно только догадываться.

В квартиру, которую большевики выделили купцу первой гильдии, мы попадаем со двора. Когда-то, в середине этого маленького, уютного и типично тбилисского дворика помещался красивый бассейн. Но со временем жильцы дома, мотивируя это теснотой и отсутствием места для машин, его

снесли…»

https://svobodnaya.info/ru/society/223-vino-iz-lyuksemburga-orel-na-kryshe-i-zagadki-tiflisskogo-osobnyaka

О своей бабушке, Ольге Владимировне Забукидзе (в девичестве Швамм, сценический псевдоним Оскольская) я уже написала целую книжку («Пируэты судьбы»). В ее доме тоже было всегда много людей – ее приемные дети, ученики, и – самые интересные для меня гости – друзья ее и ее мужа, Виктора Васильевича Забукидзе, по Батумскому театру. Бабушка в нем танцевала, а ее муж, главный юрисконсульт Абхазии, выступал там как драматический актер. Дело в том, что в 1920-е годы основной состав труппы был любительским, а знаменитые профессиональные артисты приезжали на гастроли.

Среди гостей был и Нодар Мгалоблишвили – тот самый, который сыграл Калиостро в «Формуле любви». Он был намного моложе остальных и немного выбивался из общей атмосферы – может, своим пиететом в отношении к бабушке. Мне это было немного непонятно, я ведь тогда очень мало знала о ее жизни.

Рассказы гостей – они собирались раз в год на бабушкин день рожденья – уносили меня в фантастический, яркий и веселый мир. Только позже меня поразила мысль: эти люди дружили, помнили и любили друг друга полвека! У всех у них была непростая жизнь, со многими трагическими событиями, начиная со сталинских репрессий и Великой Оте-

чественной войны. И они бережно хранили в памяти счастливые дни своей молодости…

Одной из бабушкиных учениц и практически дочерью была Тамара Владимировна Косова. К началу войны ей было всего 5 лет. Я не знаю, что случилось с ее родителями. После войны вернулась ее тетя, которая и забрала ее. Томочка – мы все звали ее только так, – закончила Ленинградское хореографическое училище, потом ГИТИС, балерина, стала заслуженной артистки РСФСР, потом педагогом хореографического училища, в том числе и в других странах, включая США.

В 1956—64 гг. Томочка работала в Тбилиси, в Грузинском театре оперы и балета. Благодаря ей я надолго погрузилась в мир балета, причем не только со стороны зрителя. Я пересмотрела далеко не по одному разу все балеты, торчала за кулисами, на занятиях, научилась очень неплохо разбираться в тонкостях фуэте и антраша. Чаще всего приходилось смотреть «Лебединое озеро», в котором Томочка танцевала партию Жизели, но гораздо больше я любила ее как Зарему в «Бахчисарайском фонтане» и Хозяйку Медной горы.

Но самое главное – я поняла, какой это тяжелый и опасный труд и какой странной жизнью живут балетные. Ранний подъем, кофе с сухариком – и в театр: станок, репетиция, разучивание новой партии. Перерыв 3 часа, в который надо

отдохнуть перед вечерним спектаклем. Вечерний спектакль. В полночь возвращение домой. Кино, выставки, книги, прогулки – вы о чем?

Приведу выдержку из статьи о Т. Косовой

«НЕ СТОИТ ПЕРЕПИСЫВАТЬ ШЕДЕВРЫ»

Артисты Челябинского балета продолжают подготовку к открытию 56—го театрального сезона. В нашем театре побывала заслуженная артистка РФ, педагог-репетитор Тамара Владимировна Косова.

Эта обаятельная женщина и высококлассный специалист ответила на наши вопросы, а также поделилась уникальными сведениями об открытии первого сезона в Челябинском оперном театре в 1956 году.

– Энтузиазм был необычайный! – вспоминает Тамара Владимировна, – в Челябинск прибыли три выпуска Ленинградского хореографического училища. Были заняты не только во всех балетах, но и в операх (в кордебалете). Каждый спектакль проходил с аншлагом, приходилось ставить дополнительный ряд! Только сейчас удивляешься: как у нас хватало сил? Весили 38—40 кг, талия – 44 см, зарплата – маленькая, порой, не хватало даже на картошку… Но Челябинские зрители с такой искренностью принимали нас: артистов любили, уважали, ими восхищались! В ту пору театр был настоящим храмом искусства, каждый житель города стремился попасть сюда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.